Восьмое делопроизводство

Автор:
Николай Свечин

Восьмое делопроизводство

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #25

Лыков повышен в чине, теперь он статский советник. И стал ненадолго бюрократом: временно руководит Восьмым делопроизводством Департамента полиции. «Восьмерка» – всероссийский сыск, она координирует действия всех сыскных отделений империи. Но бюрократ из Лыкова не получается: кабинетная работа не для него. По счастью, Столыпин нашел Алексею Николаевичу лучшее применение. Премьер-министр обеспокоен участившимися экспроприациями в Петербурге и Москве. Гибнут люди, налетчики похищают крупные денежные суммы. Полиция не может найти преступников. И Лыкову поручают ликвидировать банды экспроприаторов в двух столицах. Создана временная группа дознавателей под его командой, с особыми полномочиями. Статский советник выходит на охоту…

Николай Свечин

Восьмое делопроизводство

Глава 1

Беспокойное время

3 января 1910 года в Херсонской каторжной тюрьме произошел групповой побег заключенных. Во время раздачи кипятка в корзиночной мастерской десять арестантов напали на двух надзирателей и обезоружили их. Отобрали ключи, открыли дверь на тюремный двор и выскочили скопом. С той стороны кто-то перебросил через стену веревку с завязанными узлами – побег готовили с воли. Каторжники перелезли наружу и кинулись к Днепру. Часовой увидел их и открыл огонь из винтовки. Ему удалось убить двоих, остальные скрылись за углом. Надзиратель Довналь, услышав выстрелы, выбежал из сторожки и погнался за арестантами. Настиг одного, и тут же получил удар ножом в сердце…

Все свободные надзиратели тюрьмы устремились в погоню. Видя смерть товарища, они не стали жалеть патронов. Четверо каторжников были убиты, пятый тяжело ранен. Только двое добрались до заранее подготовленной лодки с одеждой и провизией. На реке стоял лед, однако для парома пробили фарватер, и лодка ждала на чистой воде. Но она успела лишь отчалить от берега. Обозленные надзиратели осыпали беглецов градом пуль. Один был сражен наповал, второго, тяжело раненного, взяли.

Так из девяти вырвавшихся за стену семеро погибли, а двух подстрелили не до смерти. Последнего, десятого, обнаружили уже ночью. Он не последовал за остальными, а спрятался в котельной. И тем спас себе жизнь.

Только к утру выяснилось, что был и одиннадцатый, самый умный. Он воспользовался общей суматохой. Пока охрана гонялась за беглецами, дядя спокойно перелез через стену в другом месте. Спрыгнул с той стороны, сел в поджидавший его экипаж и был таков. Когда смотритель узнал фамилию этого ловкача, то схватился за голову. Александр Южиков по кличке Сашка Поп был известный налетчик. В девятьсот восьмом году он получил бессрочную каторгу за вооруженное ограбление ювелирного магазина. Тогда погибли охранник и двое служащих. Доказать, что стрелял Южиков, следствию не удалось, и бандит спрыгнул с висельной доски. Сыщики числили за ним еще три экса с жертвами, но присяжные отмели их доказательства как ненадежные. И вот теперь оставленный в живых зверь выскочил из клетки.

Когда Лыков получил сообщение о побеге, то сказал своему помощнику Азвестопуло:

– Серьезный человек готовил акцию. Смотри, как все рассчитал! Те десять дураков нужны были для отвода глаз, и он легко ими пожертвовал. Семь покойников среди беглецов, да еще зарезанный надзиратель. Масштабно кровь льет, сволочь. Найти бы его поскорее.

Сергей внимательно просмотрел телеграмму и согласился:

– Похоже на то. И как зовут умника?

– Узнаем, когда возьмем Сашку. Вот только…

– Что?

– Вдумайся, Сергей Манолович. Для чего вытаскивали Сашку Попа? С таким трудом, с такими жертвами. Ведь проще нанять для дела налетчика с воли. А тут каторжная тюрьма, строжайший режим… Значит, исполнителю был нужен именно этот экземпляр. Что-то готовится. Жди теперь нападений, с жертвами, стрельбой и крупными похищенными суммами.

Титулярный советник уселся поудобнее и фамильярно предложил шефу:

– А расскажите мне про экземпляра. Никогда не слышал о нем раньше. Почему кличка Поп? Налетчик-расстрига из духовных, что ли? Так не бывает.

Коллежский советник принял тон помощника (больше чем помощника – ученика) как должное. И начал излагать:

– Южиков Александр Нифонтович, сын священника. Родился в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году в Бугуруслане. Поступил в Казанскую семинарию и почти ее закончил. Даже жениться на поповской дочке успел, сукин сын. Приход ему уже подобрали, готовили к рукоположению. Но Южиков обокрал будущего тестя, проломив ему при этом голову, и сбежал.

– Достойный персонаж, – глубокомысленно прокомментировал титулярный советник. – Недопоп перешел на нелегальное положение?

– Да. Он объявился в Москве на Хитровке и стал там популярной личностью. Грехи отпускал, венчал блатных…

– Как это?

– Ну понарошку, в виде шутки. А в паузах грабил. Московская сыскная тогда была не в лучшем виде – ею правил Мойсеенко[1 - См. книгу «Узел».]. Сашка сошелся с продажными надзирателями и чувствовал себя вполне вольготно. Потом началась заваруха, именуемая вооруженным восстанием. Поп совершенно обнаглел. Он собрал шайку и начал громить кассы. Тут уже были жертвы – Сашка перестал церемониться и показал истинное нутро. А оно у него неприглядное… Три человека погибли, прежде чем Южикова взяли. Начальство в Первопрестольной сменилось, а он и не заметил! Пришел Аркадий Францевич[2 - А. Ф. Кошко – с 1908 года начальник Московской сыскной полиции.], стал наводить порядок. И укатал наглеца. До суда дошло лишь одно дело, и на смертную казнь улик не хватило. Укатали Сашку, народ облегченно вздохнул. А теперь все надо начинать заново.

Азвестопуло бодро подхватил:

– Чай и не таких ловили! Поймаем. Однако, Алексей Николаевич, вопрос-то остается.

– Остается, – согласился Лыков. – Зачем неизвестному умнику понадобился именно Сашка Поп?

– Думаю, бандита вытащил с каторги кто-то из друзей. Постороннего с таким трудом не выручают – тут личная связь.

– В каторгу уехала вся шайка, четверо налетчиков, – сообщил коллежский советник. – Дознание вели тщательно, я видел материалы. Тот, кто организовал побег, прямого отношения к делу не имел. Но, похоже, стоял близко.

– Маклак? – предположил Сергей. – Хорошо кормился с ребят и хочет вернуть те добрые времена?

– Что-то я не помню случая, чтобы скупщик краденого выручал с каторги обычного маза[3 - Маз – главарь шайки.]. А ты, Сергей Манолович, слыхал про такое?

– У нас в Одессе было. Мордка Гляйвиц по кличке Шкилет подготовил побег налетчику Степану Ворошилову.

– Да ты что? – удивился Лыков. – Так много с него доходу имел?

– Имел, но не в одном доходе дело. Гляйвиц хотел выдать за Степку свою дочь. Там чувства и все такое, вот старик и ввязался. Парня через две недели поймали и опять засадили. Но молодые успели обвенчаться!

– Разговор не про то, – обрезал помощника шеф. – Побег был из подследственной тюрьмы? А у нас с каторги, что много сложнее. И романтической подкладки пока не видать. Э-эх! Надо смотреть акт дознания по делу шайки Южикова. Вдруг да обнаружим того сердечного приятеля, который ради друга пошел на такой риск.

Сыщики поговорили о бежавшем налетчике, и забыли. Никто им ловить Сашку Попа не поручал, а своих дел у Лыкова с Азвестопуло имелось в избытке. Но через две недели негодяй сам напомнил о себе.

18 января в Плоцкой губернии средь бела дня было совершено нападение на денежную почту. Все произошло на двенадцатой версте от города Бельска. Возок с ценным грузом направлялся в Рынин, его охраняли пятеро драгун. Налетчики церемониться не стали и бросили в конвой какую-то необыкновенно мощную бомбу. Трех солдат и ямщика убило на месте, два драгуна получили смертельные ранения. В руки экспроприаторов попало более 55 тысяч рублей казенных денег.

Один раненый умер в госпитале через день, а второй протянул неделю. К нему успел приехать чиновник Восьмого делопроизводства Департамента полиции Томилин. В департаменте он отвечал за идентификацию преступников по системе словесного портрета. Томилин привез умирающему фотографии 48 налетчиков, которые могли быть причастны к нападению и на которых имелись материалы в картотеке. В последний момент Лыков догадался присоединить к ним данные на Сашку Попа – и неожиданно попал в точку.

Драгун доживал последние дни и знал это. Он хотел отомстить убийцам за смерть свою и товарищей. Из последних сил раненый дожидался полицейского чиновника. Томилин улучил момент, когда умирающий был в ясном сознании, и разложил перед ним на кровати фотографические карточки. Драгун перебирал их восковыми пальцами, и с каждой новой из него будто выходила жизнь… Оставался последний портрет. Страдалец долго не хотел его смотреть, шептал чуть слышно:

– Неужели… нету его у вас… уйдет, сволочь, без наказания…

Потом открыл карточку, и его словно оживили на миг:

– Вот он!

– Точно он? – спросил Томилин.

– Точно, ваше благородие. Левый глаз приметный, косит, я запомнил…

– Это известный налетчик Александр Южиков по кличке Сашка Поп. Он недавно бежал из Херсонской каторжной тюрьмы.

– Поп, как есть поп! – из последних сил выкрикнул драгун. И рассказал невероятную историю.

Когда конвой сопровождал почту, на дороге им встретился священник. Молодой, лет двадцати пяти, в теплом черном пальто, распахнутом на груди; под ним виднелся крест. Батюшка сидел в санях, притулившихся на обочине. Увидев конвой, он осенил его крестным знамением. Вахмистр остановил колонну и подъехал под благословение. Левый глаз у священника заметно косил. Он благословил вахмистра, возок с почтой опять тронулся, драгуны – следом. Тут ложный поп вынул из-под рясы бомбу и швырнул ее в солдат, а сам прыгнул рыбкой в придорожный сугроб. Никто не успел ничего понять, как прогремел сильный взрыв.

Умирающий драгун успел подписать протокол и к вечеру угас. Томилин вернулся в Петербург и сообщил об опознании. Его рассказ произвел сильное впечатление и был доложен товарищу министра внутренних дел Курлову.

Генерал-лейтенант Курлов заведовал полицейскими вопросами. Премьер-министр Столыпин оставил пост министра внутренних дел за собой, но лишь формально. Ввиду большой загруженности вести дела ведомства он не мог и разделил их между своими товарищами[4 - Товарищи министра – заместители.]. Ему докладывали только о самых выдающихся происшествиях. Курлов подумал день-другой, и известил Петра Аркадьевича о случае в окрестностях Плоцка.

Председатель Совета министров был возмущен:

– Мы не можем оставить такую мерзость без ответа. Какие меры приняты, чтобы поймать убийц?

– Ведется дознание, надо ждать результатов.

– Кто дознает?

– Плоцкое полицейское управление.

– Немедленно вышлите туда Лыкова. Он даст всем прикурить!

Так Алексей Николаевич отправился в очередную командировку. Азвестопуло остался в Петербурге «вести хозяйство».

Лыков давно уже занимал в департаменте привилегированное положение. Официально его должность звучала очень длинно: чиновник особых поручений при министре сверх штата, прикомандированный к Департаменту полиции. Таких «особых» насчитывалось три-четыре человека. Статус позволял им заниматься любыми делами в пределах компетенции полицейского ведомства. Службу «особняков» определяло начальство. Чаще всего такие поручения не были связаны с повседневной рутиной, а носили исключительный характер. Хотя, например, Веригин заведовал секретарской частью департамента, а Виссарионов курировал Особый отдел. Алексей Николаевич всю жизнь занимался уголовным сыском и составил себе в этой области выдающуюся репутацию. Сложные или общественно громкие дела, требующие высшего мастерства, поручались именно ему.

В конце прошлого года, когда Лыков с Азвестопуло отличились в Иркутске[5 - См. книгу «Столица беглых».], Курлов обещал повысить их в чинах. Лыков уже десять лет состоял в коллежских советниках. Сергей тоже застрял в титулярных, и росту им обоим не было. Государь раз за разом вымарывал Алексея Николаевича из приказов по гражданскому ведомству – так говорило начальство. Сам Лыков подозревал, что его просто не включали в эти приказы: отчасти за самостоятельный характер, отчасти по старой памяти. В свое время сыщик не сумел угодить императрице, когда та поручила ему отыскать похищенную икону Казанской Божией Матери. С той поры прошли годы, государыня должна была забыть вину скромного сыщика, но чинопроизводство для него застыло. Перед Рождеством Курлов, опытный бюрократ, подвинул Алексея Николаевича в должности – из чиновников особых поручений шестого класса перевел в пятый. Видимо, это был многоходовый маневр: генерал готовил Высочайший приказ. Но в остальном все осталось, как есть. В России производство и награды в массовом порядке делались дважды в год, на Рождество и Пасху. Рождество пролетело, и теперь коллежский советник ждал Пасхи. В душе, конечно, он хотел стать «превосходительством». А тут такой шаг вперед, в «высокородие». Однако чем дальше, тем служить ему становилось труднее. Прежние начальники Лыкова приучили его к высокому уровню государственного мышления. Но время их прошло: Плеве лежал в земле, Дурново заседал в Государственном совете. Наступил черед таких, как Курлов. Говорили, что Столыпину его навязали, что премьер недолюбливает своего товарища. Кто знает? В реальные полицейские будни Петр Аркадьевич давно уже не совался. Сыщик видел его все реже и заметил, что тот изменился не в лучшую сторону. Столыпин зазнался, сделался нетерпим к чужому мнению, уверовал в собственную непогрешимость. Директор Департамента полиции Зуев обжегся пару раз и теперь потихоньку мечтал удалиться на почетную отсидку в Сенат. С кем служить дальше? Кто будет отдавать приказы стареющему сыщику завтра? Думать об этом не хотелось…

Командировка в Плоцк длилась две недели и едва не стоила питерцу жизни. Он возглавил дознание о налете на денежную почту и придал ему ускорение. А раскрыли банду без него, и сделали это железнодорожные жандармы. Попался толковый человек, помощник начальника местного отделения штабс-ротмистр Глансенштерн, который через агентуру выяснил важный факт. Близ станции Боровичи поселился приехавший откуда-то с юга России прасол, некто Верномудров. Видать, из поповичей – только у них приняты такие заковыристые фамилии. Прасол скотину не покупал, по ярмаркам не приценивался, с поляками не общался, а сидел у себя на хуторе и чего-то там кумекал. Урядник полюбопытствовал и зашел поговорить. Не фальшивую ли монету чеканит

приезжий? Верномудров предложил гостю рюмку водки и завел долгий разговор. Выяснилось, что он поп-расстрига, лишен сана за коммерческие операции «с душком» (проще говоря, давал деньги в рост) и теперь хочет начать новую жизнь. Капитал у него есть, но небольшой; боится ошибиться. Бывший священник попросил у гостя совета. Обещал взять в долю! Разговор вышел мутный и неправдоподобный. Полицейский почесал в затылке и отправился к жандармам. Глансенштерн как узнал про бывшего попа, сразу вспомнил циркуляр насчет Южикова. Спросил: косит ли прасол на левый глаз? Урядник ответил, что сказать затрудняется, поскольку Верномудров был в синих очках. Штабс-капитан тут же телеграфировал в Плоцк Лыкову.

Хутор прасола хотели взять под наблюдение, но это оказалось невозможно. Дом со служебными постройками стоял на окраине огромной Рудной пущи. Напротив перекресток двух местных шляхов, в четырех верстах – станция железной дороги. Кроме пущи, других лесов вблизи нет, все поляки свели на дрова. Не поставишь же филера в чистом поле. И землянку в чащобе не выроешь. Лыков проехал мимо взад-вперед, убедился, что подступов к дому нет, и решил пойти в разведку. Жандарм пытался отговорить столичного чиновника, но не преуспел. Алексей Николаевич загримировался под коммивояжера по продаже швейных машин, набил портфель рекламными бумажками. Приклеил «шпанку» – короткую бородку модного фасона. Сунул в кобуру браунинг. Попросил жандармов спрятаться за ближайшим кустом – вышло аж в трехстах саженях. Мысленно перекрестился и отправился к попу-расстриге. Для маскировки сыщик нанял бричку с местным фурманом, которого знала вся округа.

Он соскочил с брички перед крепкими воротами и властно стукнул в них кулаком. Открылась калитка сбоку, и выглянул молодой русский парень простоватой наружности.

– Ась? Вы, пан, по какой надобности?

Увидев, что собеседник его совсем юн, Алексей Николаевич тут же сменил тактику.

– Тебе на военную службу-то когда, детинушка?

– Я освобожденный, – растерянно ответил тот. – А чево?

– Не хочет твой хозяин машинку швейную купить? Хорошая машинка. Я ему рассрочку дам.

– Эвона… надо его самого спросить.

– Так пусти меня, я и спрошу.

Парень замешкался, тогда Лыков нагло отстранил его и вошел сначала во двор, а потом и в дом. Юнец семенил следом и что-то бубнил, но незваный гость не обращал на это внимания.

Алексей Николаевич шагал по длинному коридору на свет, и тщательно осматривался. Вот кухня, вот сени, из них две двери. В которую зайти? Он толкнул левую и оказался лицом к лицу с рослым мужиком свирепой наружности. Тот стоял в центре большой комнаты и удивленно смотрел на вошедшего. Что-то сообразил и сунул руку в карман.

Сзади Лыкова наконец-то догнал парнишка и сказал верзиле:

– Вот.

– Что вот, Петька? Ты кого привел, сукин потрох?

– Эта… дядя Ваня… машинку он продает.

– Какую, к лешему машинку? – заревел «дядя» и шагнул к сыщику. Мигом он извлек из кармана большой нож, поднес его к лицу коллежского советника и сказал: – Замри.

Тот застыл. Острое лезвие покачивалось в полувершке от его горла.

– Вы чего, уважаемый? – сиплым голосом проговорил питерец. – Я действительно машинки продаю. Могу «Зингер», могу «Кайзер» или «Пфафф»; какую хошь через меня легко приобрести. Вы чего желаете? И скидку дам, и рассрочку… на полгода.

Он сглотнул и добавил тем же неестественным голосом:

– Больше чем на полгода не могу… это надо в Плоцк ехать, они могут.

Детина внимательно разглядывал сыщика: по всему смахивало, что это уголовник-рецидивист. Нож держит уверенно, взгляд недобрый…

Вдруг бандит схватил Лыкова за «шпанку» и сильно дернул. И борода оказалась у него в руках. Петька ахнул. А сыщик развернулся и во всю прыть бросился прочь из комнаты. «Дядя Ваня», сыпля матерщиной, погнался за ним. Ситуация была для Алексея Николаевича смертельно опасная, но при этом еще и дурацкая. Чтобы вынуть пистолет, снять его с предохранителя и дослать патрон в патронник, требовалось не менее двух секунд. А где их взять? Бандит дышит в спину и уже занес свой страшный нож. Чуть замешкаешься, и конец. Не видать мне статского советника, с мрачным юмором подумал Лыков и поднажал. Он летел в кухню, где, по пути в гостиную, ему попалась на глаза нужная сейчас вещь. Очень нужная, прямо позарез… Все заняло несколько мгновений. Сыщик добежал до кухни, схватил со стола тяпку, которой хозяйки рубят капусту для засолки, и с разворота нанес ею удар. Он бил не глядя, но попал удачно. Острое полукруглое лезвие угодило бандиту прямо под ухо. Тот пошатнулся, выронил нож и захрипел, между пальцев у него показалась кровь. Убил, подумал коллежский советник; я ж ему сонную артерию чиркнул… Тут примчался испуганный Петька.

– Дяденька, вы кто?

– Ну-ка, щенок, взял его и на улицу! – приказал Лыков. Вдвоем они подхватили обмякшее тело уголовного и быстро потащили за ворота. Там Алексей Николаевич уложил раненого в бричку и осмотрел шею. Живой, собака! Лезвие рассекло мышцы шеи, но артерию не повредило. «Дядя Ваня» был ошарашен, но скоро должен был прийти в себя. Питерец связал его и велел фурману мчать что есть духу до засады жандармов. Парня он оставил при себе, чтобы не вздумал помогать сообщнику.

Теперь оставалось ждать. Чтобы скоротать время, Лыков на скорую руку допросил Петьку. Начал он суровым голосом:

– Что же ты, дрянь, с бандитами связался? Или креста на шее нет?

– Есть крест, – чуть слышно ответил парень и показал его.

– Ну? Объясняй!

– С голодухи я. Мамка померла, батя опился до смерти. Куда иттить? Чем себя содержать? А тута одни паны, им на нас плевать…

– Значит, только в убийцы тебе дорога? – гаркнул коллежский советник. – К честному труду душа не лежит? А в Сибирь на каторгу – лежит?

Петька совсем скис.

– Быстро говори все, что знаешь. Сашка Поп где?

– Александр Нифонтович уехали.

Сыщик расстроился. Ведь едва-едва не взяли змеюку. С другой стороны, если бы Южиков был в доме, чем бы это кончилось для него, Лыкова?

– Давно он уехал? Когда вернется?

– Вчерась в ночь. А вернется, нет ли, мне не ведомо. Я у них в услужении: дрова колоть, воду таскать. За пропитание, денег мне не плотят.

– А это кто был, что с ножом за мной гонялся?

– Дядя Ваня. А кличка ему промеж своих – Черкес.

– Иван Аринкин? – вспомнил розыскной циркуляр коллежский советник.

– Не знаю.

– Кто еще в банде? Ждать нам гостей или не ждать?

– Был еще молодой, тоже Петькой звать, как и меня. Но он вместе с Александр Нифонтычем уехал. Вроде он по взрывному делу.

– По взрывному? – встрепенулся сыщик. – Это он бомбу снарядил, которой вы конвой поубивали?

– Я, ваше благородие, никого не убивал, я по части дров, – напомнил парень. – А насчет бомб могу сказать. Одна в сарае лежит. Боюсь туда даже заходить.

– Правильно боишься, – одобрил Лыков. – Пойдем, покажешь где.

Когда в ворота ворвались жандармы, Алексей Николаевич заявил Глансенштерну:

– Штабс-ротмистр! Срочно вызывайте саперов. В тот сарай ни ногой!

Глава 2

Лыков становится бюрократом

Коллежский советник Лыков чем делался старше, тем меньше хотел рисковать жизнью. Это в молодые годы весело бегать за бандитами, размахивая «смит-вессоном». С возрастом такое занятие надоедает. А тут еще чуть насквозь не проткнули под Плоцком…

И начальство прочитало тайные мысли сыщика. Делопроизводитель «восьмерки» Лебедев уехал в заграничную командировку аж на три месяца. Его послали изучать опыт полиций Берлина, Парижа и Лондона. И Алексея Николаевича с 1 апреля назначили временно исправлять его должность.

Первую неделю сыщик радовался такой перемене. Можно ходить по улице без шпалера и не ждать очередной командировки на кудыкину гору. Знай себе перебирай бумажки…

Лыков хорошо знал специфику Восьмого делопроизводства, поскольку сам много лет готовил его создание. Всероссийский уголовный сыск! Так задачу сформулировал еще покойный Благово. Он сочинил обязанности и штатное

расписание новой структуры, вот только не дожил до ее учреждения. Проторил тропу его ученик, который и должен был возглавить лавочку. Но вышло иначе. Вмешались соображения высшего порядка: Столыпин не захотел ссориться с монаршей четой из-за такой ерунды, как судьба сыщика Лыкова. Тот не угодил государыне, а та, как известно, имела на супруга сильное влияние. Казалось бы, мелочь – назначить человека делопроизводителем в один из многочисленных столичных департаментов. Там этих «д-пр»[6 - Аббревиатура слова «делопроизводство» в официальной переписке.] девять штук. Но, во-первых, Департамент полиции самый важный в структуре органов управления. Во-вторых, фамилия кандидата на должность известна наверху. И окрашена негативно. Зачем рисковать? И место занял Василий Иванович Лебедев, приятель Лыкова, но и конкурент. Он повел дело хорошо, сейчас уже состоял в чине коллежского советника, и о замене речь не шла. Лыков остался в «особняках». И вот только теперь, временно, ему поручили рулить им же самим созданным подразделением.

Да и то сказать, из задуманного Благово осуществить получилось лишь самую малость. Какой это всероссийский сыск? Конечно, два года назад замах был солидный. Вместе с Восьмым делопроизводством создали 89 новых сыскных отделений по всей России. Управляй не хочу! Но Министерство финансов, висеть им всем на одной осине, урезало оклады жалования до минимума. Как в новых отделениях, так и в департаменте. В результате штаты Восьмого делопроизводства вызывали недоумение. Кто будет управлять? Баратынский?

Классных должностей в штате имелось всего две: начальник и его младший помощник. Их занимали соответственно Лебедев и коллежский асессор Скрыдло. Всё! Скрыдло вел текущую переписку общего характера и заменял шефа во время отлучек. Далее шли три сверхштатных чиновника особых поручений при Департаменте полиции. Они хотя бы имели чины и потому занимались ответственными вопросами. Статский советник Селецкий отвечал за переписку по бельгийским запросам. Губернский секретарь Гагарин – по швейцарским и иным. Коллежский секретарь Любимов вел канцелярскую разметку бумаг, поступающих в делопроизводство. Эти трое были ближайшими помощниками Лебедева и организовывали работу подчиненных.

Ниже их стояли сверхштатные чиновники для письма. Их насчитывалось двенадцать человек, и они тоже не сидели без дела. Хост отвечал за розыскные циркуляры. Томилин (тот, что ездил в Плоцк) – за идентификацию преступников по системе словесного портрета. Иванов вел журнал по всем запросам,

поступающим из-за границы. Зякину была поручена переписка по вопросам экспертизы и установления личности преступников. Дон-Донцов составлял отчеты по деятельности сыскных отделений. Пять чиновников отвечали за текущую переписку с отделениями.

Восьмому делопроизводству подчинялось Регистрационное бюро Департамента полиции со всей своей картотекой – более 200 000 дел. Сложную работу с картотекой вели двое. Сальков осуществлял общее руководство, ему помогал фотограф Козлов. Они не справлялись с огромным объемом работы, и им помогали две женщины, числящиеся по вольному найму. Личная почетная гражданка Вильдаки отвечала за регистрационные карты. Зверева, вдова губернского секретаря, вела подготовительные работы для их классифицирования.

Особняком стоял третий вольнонаемный человек – отставной артиллерийский подполковник Анисимов. Начальство использовало его от случая к случаю как аналитика.

Таким образом, в Восьмом делопроизводстве числилось два штатных чиновника, три нештатных для поручений, двенадцать нештатных для письма и три письмоводителя по вольному найму, всего двадцать человек. Еще один вольнонаемный, неимеющий чина Васильев, по болезни вечно находился в отпуску. Этим составом необходимо было оказывать поддержку сыскным отделениям империи. Три из них – Московское, Петербургское и Варшавское – не очень нуждались в помощи сверху. Остальные такой помощи требовали постоянно…

Все чиновники и вольнонаемные при поступлении на службу подписали особую бумажку. В ней говорилось: «Я, нижеподписавшийся, на основании примечания к ст. 178 о сл. прав.[7 - Устав о службе по определению от правительства.] т. III Свода Законов издания 1896 года, даю подписку в том, что не принадлежу ни к каким масонским ложам и другим тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, и что впредь к оным принадлежать не буду». В Департаменте полиции помнили давнюю историю, когда в Третье отделение пробрался шпион народовольцев Клеточников, и долго сводил на нет усилия по пресечению террора. Чиновники самого важного отдела – Особого – постоянно присматривали за остальными коллегами.

Лыков быстро разобрался в текущих делах. Все незначительные вопросы – так называемую «вермишель» – он поручил своему законному помощнику Скрыдло. Более важные вещи старался решать с любимым учеником, надежным Азвестопуло. Для этого Алексей Николаевич временно прикомандировал его к «восьмерке». Много внимания требовала деятельность регистрационного бюро. В нем вводился новый способ идентификации преступников – дактилоскопия. Прежде делали сигналетические карточки в двенадцати позах и обмеряли по системе Бертильона. С прошлого года дополнительно начали снимать пальцевые отпечатки. Кроме того, сотрудники бюро постоянно выполняли заказы на размножение фотопортретов. Вот и сейчас они срочно печатали 11 000 снимков политических преступников по срочному требованию Особого отдела. Трудиться приходилось во внеурочное время и в табельные дни, буквально на износ. Зато за такие работы полагалось вознаграждение. Чиновники Департамента полиции, особенно сверхштатные, получали весьма скромное жалование. Тот же Томилин довольствовался ста рублями в месяц. А отставной подполковник Анисимов вообще получал шестьдесят. Поэтому дополнительный заработок был не лишним, и его распределяли на всех по очереди.

Другим важным вопросом была переписка с заграничными полициями. Большинство чиновников особых поручений ею и занимались. Дело тонкое, дипломатическое; нужно знание языков и умение ловко формулировать. Алексей Николаевич в первые же дни на новой должности затребовал текущие дела. Они удручали своими казенными формулировками. Обмен письмами по обвинению еврея Шауна Грюнбаума в краже со взломом драгоценностей на 100 000 франков у негоцианта Марта Росселя в Брюсселе длился уже второй год. Розыск Георгия-Карла Кастера по требованию судебного следователя Бельгийского королевства – десять месяцев. А задержание в Англии Иосифа Миллара (он же Валикнас, Дуглас, Гарри-Госсе) занимало обе стороны пятый месяц…

Третьим серьезным направлением была работа с запросами других делопроизводств Департамента полиции, а также охранных отделений и ОКЖ[8 - ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.].

Но больше всех сил и времени отнимало общение со вновь учрежденными сыскными отделениями. Людей в провинции, как всегда, не было. Набирали в штат всякую дрянь, а потом выходили скандалы. Самые громкие случились в Москве и Киеве, но поветрие шло тараном. В Баку, Елизаветграде, Полтаве новоиспеченных начальников отделений отдали под суд. А в Чернигове

тамошний главный сыщик Павловский, совершивший несколько подлогов и краж, скрылся. И перешел на нелегальное положение. Теперь его искали всем миром и не могли найти.

В целом Восьмое делопроизводство честно тащило свой воз. Многие из задумок Благово так или иначе реализовывались. Обучение специалистов сыска, координация деятельности отделений, снабжение их нужными сведениями, помощь во взаимоотношениях с начальством… Но много было и рутины – куда ж без нее…

Алексей Николаевич тоже оказался втянут в ведомственные склоки. Причем между людьми, хорошо ему знакомыми. Градоначальник Одессы генерал Толмачев уволил от должности полицмейстера ротмистра Кублицкого-Пиотух. Когда в прошлом году Лыков с Азвестопуло ловили изувера Балуцу, они близко познакомились с обоими[9 - См. книгу «“Одесский листок” сообщает».]. Теперь Курлов попросил сыщика разобрать спор генерала с ротмистром. Алексей Николаевич изучил бумаги. Градоначальник велел полицмейстеру расследовать кутежи некоторых проживающих в Одессе кавказцев. По слухам, они украли казенные деньги и теперь усиленно их пропивали. Приказ прозвучал в самой общей форме. Более подробные сведения Кублицкому должен был дать чиновник особых поручений при градоначальстве Скуридин. Но он ничего ротмистру не сообщил. Тот, недолго думая, переадресовал приказ начальнику сыскного отделения Черкасову. Расследования никто так и не провел. Когда градоначальник стал топать ногами и требовать отчета, Кублицкий все свалил на Скуридина с Черкасовым. Последний открестился, что никакого приказа от начальства он не получал. Со своей стороны, помощник пристава Бульварного участка князь Херхеулидзе вспомнил, что он докладывал лично Кублицкому-Пиотух о кутежах кавказцев на похищенные средства. А тот ему ответил: «Это не наше дело, не суйтесь».

В результате ротмистр не только вылетел с должности. С него потребовали дать объяснения о неправильных действиях по обмундированию городовых, а это уже пахло судом. Заодно Толмачев выгнал и Черкасова. Тому инкриминировали присвоение конфискованных денежных сумм.

Кублицкий-Пиотух срочно отправился в Петербург. Там он под роспись сдал Лыкову большой донос на бывшего шефа. По его словам, генерал Толмачев сам порядочный жулик. Он окружил себя темными личностями, знакомыми ему по прежней службе на Кавказе. Среди них выделялись мелкий чиновник Микиев и

капитан Ермолов. Микиев в Тифлисе попал под суд за растрату, и супруги Толмачевы очень боялись, что на следствии всплывут их фамилии. А Ермолов пошел еще дальше. Он был арестован в Ростове-на-Дону с 75 000 рублей. Оказалось, что деньги эти похищены у Средне-Азиатской железной дороги. Одесское ГЖУ[10 - ГЖУ – губернское жандармское управление.] потребовало от Кублицкого произвести дознание насчет образа жизни Ермолова. Тут градоначальник всполошился и уволил ротмистра под надуманным предлогом. Чтобы не дать ему провести опасное для генерала дознание!

Отставной полицмейстер рассказал Лыкову немало грязных подробностей о проделках Толмачева. Тот настроил против себя местное общество. Особенно возмутило одесситов то, как градоначальник запихивал в Государственную думу угодного ему барона Роно. Барона не любили и голосовали против. И у тех домовладельцев, кто так сделал, полиция по приказу Толмачева провела санитарные осмотры дворов! По результатам которых нарисовала большие штрафы. Что же будет со страной, если ее думских избранников проталкивают такими методами?

Алексей Николаевич быстро написал рапорт на имя Курлова, в котором обелял обоих уволенных чиновников. Больше он оправдывал Черкасова, но и Кублицкому приписал добрые намерения. Теперь судьба обоих зависела от столичных ветров.

Самым ненавидимым занятием для коллежского советника стала проверка смет сыскных отделений. Именно этим ему и пришлось преимущественно заниматься. Оплата услуг негласной агентуры велась из средств сыскного кредита. Денег всегда не хватало, и начальники отделений начинали мухлевать. Для пользы дела! Кроме того, оружие и обмундирование полицейским полагалось приобретать на свой счет. При копеечном жаловании это становилось серьезной проблемой. Начальство на местах выкручивалось, как могло. Обычно оно сознательно не заполняло всех штатных вакансий, чтобы неизрасходованные суммы разделить между сыщиками. Экономили на ремонте, на канцелярских расходах, даже на дровах. Ревизоры выписывали полицмейстерам штрафы за подобные фортели, но другого выхода все равно не было. Алексей Николаевич, как мог, защищал коллег из провинции. Убеждал Курлова, писал объяснительные записки в Министерство финансов и Госконтроль, пытался даже увеличить сыскной кредит.

В таких неблагодарных занятиях Лыков провел месяц. К маю выяснилось, что бюрократом быть неимоверно скучно. Коллежский советник приходил домой в шесть часов пополудни, выпивал с Ольгой Владимировной самовар чаю и дремал на диване до ужина. Вечером супруги наведывались в театр, иногда в гости – к Азвестопуло, Таубе или Павлуке Лыкову-Нефедьеву. Алексей Николаевич подернулся жирком, сделался раздражительным и перестал читать газеты. Немного развлекла его поездка в Чернигов. Он провел ревизию сыскного отделения, которое обокрал собственный начальник. Даже гипс, выдаваемый для отливки следов, оставленных преступниками, оказался похищен – Павловский сбыл его в частную клинику, где тот использовался для наложения шин[11 - В феврале 1912 года Белостоцкое сыскное отделение арестовало бродягу, назвавшегося австрийским подданным Михаилом Колодиным. Заведующий регистрационным бюро Департамента полиции Стрелков по сделанным фотографиям опознал в нем находящегося в циркулярном розыске бежавшего из-под следствия бывшего начальника Черниговского сыскного отделения М. И. Павловского.].

Врид[12 - Врид – временно исправляющий должность.] делопроизводителя пробовал помочь Азвестопуло. Он прозондировал у Курлова, нельзя ли сунуть грека в чиновники для поручений при МВД? Это дало бы пятьдесят рублей прибавки к окладу. Курлов, к Рождеству получивший генерал-лейтенанта, ответил, что подумает, – и ничего не сделал.

Сам Лыков, перейдя на высокую должность делопроизводителя, стал получать усиленное жалование – двести сорок рублей в месяц. Однако сыновья давно обеспечили сыщику безбедное существование за счет доходов с принадлежавшего им в равных долях имения в Костромской губернии. Папаша в результате имел, как министр. Поэтому всю прибавку он отдал в чайную комнату департамента, которую уже много лет содержал на свой счет. В результате коллеги Лыкова каждый день пили китайские чаи с синим штемпелем[13 - То есть высшего сорта.] и заедали их пряниками…

Глава 3

Новое поручение

С января 1910 года в центральных губерниях участились нападения на артельщиков и почтальонов. Хорошо вооруженные банды врывались в купе поездов и расстреливали перевозчиков вместе с охраной. Или поджидали жертвы возле банка – тогда к убитым присоединялся еще и постовой городовой. К маю количество ограблений превысило полтора десятка. Счет украденным суммам шел на сотни тысяч рублей. Самое страшное, что при этом гибли люди…

Местная полиция была бессильна. Нападения происходили в разных местах. Одной шайке такое не под силу, но сколько же их? В уголовном мире тоже есть мода – мода на преступления. Пять лет назад, например, очень умножились ограбления квартир. Потом первенство взяли кражи грузов на железных дорогах. А сейчас самым опасным стало перевозить наличные деньги по назначению. Кто-то цапнул первый крупный куш, остальные раззавидовались, и вот повсеместно начали стрелять несчастных артельщиков…

В конце концов дошло до Столыпина. Получив очередную сводку происшествий, он вызвал на ковер Курлова.

– Павел Григорьевич! – премьер-министр едва дал подчиненному сесть на стул. – Что это такое? Опять?

– Вы о нападениях?

– А о чем же еще! За три дня два. В поезде Москва – Нижний Новгород прострелили грудь доверенному банкирского дома Беринга. Похищено восемнадцать тысяч рублей. Заодно тяжело ранен жандарм. А в Петербурге напали на артельщика Северных железных дорог. Чуть не на пороге Виндавского вокзала! Убиты и он сам, и сопровождавший его охранник, исчезли семь тысяч с мелочью. Сколько это еще будет продолжаться?

– Но что мы можем сделать? – развел руками товарищ министра. – Особенно если в поездах. Железнодорожная жандармская полиция вести дознания не обучена. Нападения происходят регулярно, но в разных пунктах…

– Вдруг это одна банда, пусть многочисленная? – перебил Курлова премьер. – Накрыть ее, и делу конец.

– Маловероятно, Петр Аркадьевич. Посмотрите, какой охват! От Гродно до Екатеринбурга и от Вологды до Одессы. Таких банд, слава богу, не бывает. Орудует куча мелких. Вот и не можем их никак поймать. Каждое сыскное отделение само за себя. Случаются и успехи – в Екатеринодаре, например, попались пять экспроприаторов.

Столыпин раздраженно теребил ус, потом сухо спросил:

– Как поставлена организация дела?

– Э-э… Департамент полиции осуществляет общее руководство.

– Общее руководство это, Павел Григорьевич, общие слова. Кто конкретно ведет надзор за дознаниями?

Курлов молчал. Премьер-министр крякнул и положил на стол сжатый кулак:

– Поручите Лыкову, пусть разберется. Хотя бы в Петербурге и губернии, где до государя быстро доходит.

– Слушаюсь.

– От других дел освободить, а спрашивать только за налеты. Все подобные случаи в округе теперь его. Алексей Николаевич опытный человек. Он отыщет зависимость: одна там банда или дюжина разных.

– Слушаюсь, Петр Аркадьевич. Только… как там представление? Лыков давно заслужил производство в следующий чин. Бумаги я подавал. В Рождество прокатили… Мне уж смотреть ему в глаза неловко.

– Будет ему статский. Я иду завтра к государю, надеюсь на хороший исход.

Генерал-лейтенант вышел из кабинета премьера и направился внутренним коридором в соседний подъезд. Давно прошли те времена, когда Столыпин прятался от бомбистов в Зимнем дворце. После взрыва на Аптекарском острове, унесшего жизни десятков людей, Петр Аркадьевич переехал во Вторую Запасную половину дворца. И даже променад совершал по крыше, гуляя между

статуями… Год назад, когда обстановка в стране наладилась, он вернулся на Фонтанку, в служебную квартиру министра внутренних дел.

Большой комплекс казенных зданий на углу с Пантелеймоновской имел один общий адрес: набережная реки Фонтанки, 16. На самом деле в лабиринте дворов пряталось множество ведомств и служб. Квартира министра занимала один из подъездов. Соседний вел в Департамент полиции. Кроме него, в помещениях располагались канцелярия МВД, почтово-телеграфная контора, небольшая внутренняя тюрьма, типография, архив, эмеритальная касса министерства, квартиры директора департамента полиции и начальника Особого отдела.

Курлов прошел коротким коридором и оказался в приемной Зуева.

– Нил Петрович у себя? – спросил он секретаря.

– Точно так, – ответил тот растерянно. – Прикажете провести ваше превосходительство?

– Кто там?

– Вице-директор Харламов и чиновник особых поручений Виссарионов.

– Проводите.

Через секунду мелкие сошки прыснули из кабинета директора, как тараканы. Товарищ министра велел им подождать в приемной – срочное поручение от Столыпина.

Зуев встал напротив генерала и вперил в него настороженный взгляд. Ох уж эти срочные поручения…

– Садитесь, Нил Петрович. Я недолго.

Действительный статский советник присел на край стула.

– Как там Алексей Николаевич поживает?

– Лыков?

– А у вас, что, таких двое?

– Виноват, – вскочил Зуев. – Такой один.

– Ну и? Да вы садитесь.

Директор самого грозного в империи департамента опять сел, секунду подумал, ища в вопросе генерала подвох, и осторожно ответил:

– Неплохо, вроде, поживает. Давеча из Чернигова вернулся.

– Получается у него бумажная работа? Не заскучал боевой конь?

Тут уж Зуев задумался всерьез. Скажешь, что заскучал, и опять ушлют Алексея Николаевича в тьмутаракань.

– Я почему спрашиваю, – решил помочь собеседнику Курлов. – Сводку прочитал Петр Аркадьевич. А там опять два налета с жертвами. Очень ему это не понравилось.

– Кому ж такое понравится? – шмыгнул носом Зуев.

– Вот-вот. Господин премьер-министр приказал положить этому конец. Ну в том смысле, что принять особые меры. А именно поручить коллежскому советнику Лыкову дознание по налетам в Петербурге и губернии.

– Ага… – будто про себя прошептал действительный статский советник.

– От всех остальных дел Алексея Николаевича велено освободить. Дознания по имевшим место случаям объединить в одно. И… дать результат. Как можно быстрее.

– Только по столице и губернии? – уточнил Зуев. – А Москву?

– И Москву тоже отдать ему.

– Э-э… Трудное дело, Павел Григорьевич.

– Было бы легкое, поручил бы другому. А тут нужен Лыков.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

Курлов немного обмяк и спросил с человеческой интонацией:

– Нил Петрович. Для дела тут большой вред?

– Что Лыков бросит Восьмое делопроизводство? – догадался Зуев. – Не очень. Плохой из Алексея Николаича бюрократ получается. Жаловался он мне недавно, что забывает, как жуликов ловить… А место поручим Скрыдле, у того задница крепкая, всех пересидит.

– Вот и отлично.

Курлов поднялся и шагнул к двери.

– Павел Григорьевич… – окликнул его директор.

– Если вы насчет чина, то повторю: пусть ждет.

– А еще бы Азвестопуле коллежского асессора… Старается человек, один из лучших в департаменте.

– Еще бы не лучший, если ученик Лыкова.

Курлов застыл на секунду, бросил:

– И его вписали.

Уже на пороге повернулся, приложил палец к губам и сказал вполголоса:

– Через день будет в приказе. Но тсс!

Как только начальство удалилось, директор вызвал коллежского советника. Усадил в кресло, велел подать чаю и огорошил:

– Новое поручение тебе, Алексей Николаич. От премьер-министра, как водится.

Добавил ехидно:

– Ты у нас птица высокого полета, ниже не опускаешься: или государь, или на худой конец премьер-министр. Я уж забыл, когда что-то тебе приказывал…

Лыков слушал молча, и Зуев сменил тон. Он передал разговор с товарищем министра и закончил так:

– Полностью можешь рассчитывать на наш аппарат. Но этого недостаточно.

– Нужны помощники от двух сыскных полиций, Петербургской и Московской, а также от железнодорожной жандармерии, – подхватил Лыков.

Нил Петрович согласно кивнул:

– Поручение трудное, надо собрать группу дознавателей. Вы с Азвестопуло коренники, а москвичи с питерцами вам в помощь. Пиши проект приказа и пойдем к Курлову. Часа хватит?

Алексею Николаевичу хватило тридцати минут. Но к товарищу министра они с Зуевым попали только к вечеру. Тот пробежал глазами проект секретного приказа по МВД. В нем объявлялось о создании временной группы во главе с коллежским советником Лыковым. Группе поручалось объединить все незаконченные дознания о вооруженных грабежах крупных денежных сумм в Петербургской и Московской губерниях начиная с декабря. И принять меры к прекращению указанных грабежей и аресту виновных. Столичным градоначальникам[14 - Москва тогда считалась столицей наравне с Петербургом и Варшавой.] и ОКЖ вменялось в обязанность включить в группу своих представителей. Остальным чинам министерства – обеспечить содействие.

– Кого вы видите от жандармов? – спросил у сыщика Курлов.

– Полковника Запасова.

Генерал поморщился:

– Он служит в Москве, зачем вам далекий от Петербурга человек?

– Мы с Дмитрием Иннокентьевичем вместе дознавали хищения на их железнодорожном узле[15 - См. книгу «Узел».]. И он показал себя выдающимся специалистом. Знание дела, связи, знакомства – все при нем.

– Хорошо, я распоряжусь, – быстро согласился товарищ министра. – А от сыскных полиций? Ваше поручение на контроле у премьера, можете требовать кого захотите.

Лыков хорошо знал чиновников для поручений и многих надзирателей и в МСП, и в СПСП. Он имел собственные предпочтения, но считал более правильным, чтобы решения по персоналиям приняли сами руководители полиций. И доложил об том генерал-лейтенанту. Тот согласился и молча подписал приказ. Департаментские тут же удалились.

– Ну теперь держись, – сказал в приемной Зуев.

Алексей Николаевич бодро парировал:

– В первый раз, что ли, пропадать?

Уже вечером они с Азвестопуло наметили план действий. Следовало в первую очередь запросить все дела о нападениях. И попытаться понять, есть в них система или нет. Какие из грабежей – дело рук одной банды? Сколько всего активных банд? Что известно об участниках? Что сообщила агентура? Алексей Николаевич поручил это помощнику и напомнил:

– Не забудь вставить в перечень Сашку Попа и его приятеля-бомбиста из Плоцка. Как там, кстати, дознание? Пленный не заговорил?

– Не того замеса человек, – с оттенком уважения в голосе ответил Сергей. – Иван Аринкин рецидивист, с понятием. Молчит, как черноморский бычок.

– Припугни его сроком за нападение на полицейского чиновника. Проще говоря, на меня.

– Пугал, но без толку. У него побег с каторги – чем такого застращать?

– А молодой, что уехал с Южиковым? Петька-бомбист? О нем что-нибудь удалось узнать?

– Приметы самые общие, по ним установить личность не представляется возможным. Я показал парнишке, которого вы оприходовали, портреты из нашей картотеки. Более трехсот штук. Он никого не опознал.

Лыков и не ждал чудес, поэтому спокойно продолжил:

– Сашка Поп пока единственная наша ниточка. Он точно имеет отношение к ряду грабежей. Попробуй понять, к каким именно. Косоглазый атаман мог запомниться кому-то из свидетелей.

– А вы чем займетесь? – ехидно поинтересовался Азвестопуло. – Все я да я…

– Буду подбирать нам с тобой помощников. Запасов, считай, уже в группе. Переговорю с Филипповым, а Кошко телефонирую – пусть дадут людей.

– Надо, чтобы были чиновники для поручений, а не рядовые надзиратели.

– Поучи меня группу собирать!

Утром следующего дня Алексей Николаевич потребовал в трубку Москву. Он вызвал начальника МСП Кошко и сразу взял быка за рога:

– Аркадий Францевич, новый приказ успели прочесть?

– Только что. Эк вас, Алексей Николаевич… Сочувствую.

– Лучше помогите.

– Чем? Человека дать подходящего?

– Все вы понимаете. Самого лучшего желательно!

– Лучшие, Алексей Николаевич, здесь нужны. Понимаете ведь: Москва. Каждый день что-нибудь случается. А вам отдашь и считай, нет человека.

– А вы не жильдите.

– Как-как? – удивился статский советник.

– В смысле не прикидывайтесь нищим. Люди у вас серьезные, дураков да жуликов выгнали давно. Я вот Телятьева хотел попросить.

Лыков понимал, что наглеет. Кошко пришел на должность меньше двух лет назад. Предыдущий начальник оставил ему тяжелое наследство. Аркадию Францевичу пришлось основательно почистить состав московской сыскной. Из прежних чинов осталась лишь пятая часть, остальных выгнали, а кое-кого и посадили. Коллежский секретарь Телятьев был из новых, но уже успел зарекомендовать себя с лучшей стороны. Он быстро поднялся из сыскных надзирателей в чиновники для поручений. Кошко ценил его и давал трудные дела. Поэтому реакция статского советника была предсказуема:

– Побойтесь Бога, Алексей Николаевич! А я с кем останусь? Вон опять в Марьиной роще…

Но питерец бесцеремонно перебил москвича:

– Я вчера получил согласие Курлова на все. Включая личные предпочтения. Вам известен характер шталмейстера?[16 - Курлов состоял в придворном звании шталмейстера.]

– Ну…

– Дело на столе у премьер-министра.

– Все понятно. Режете без ножа…

– Не обижайтесь, Аркадий Францевич. Дознание труднейшее, сами понимаете. На таких шею ломают. Я приеду к вам завтра, начну искать с вашего конца. Пусть к этому времени Телятьев стоит в сбруе и запряженный. Договорились? Не надо мне просить Павла Григорьевича о помощи?

– Будет вам Телятьев в удилах, – сказал Кошко и бросил трубку.

Довольный Лыков отправился на Офицерскую. Он любил здесь бывать, хорошо знал и сыщиков, и специфику их службы.

Вход в СПСП был по парадной лестнице на второй этаж. На первом находились квартиры Филиппова и его помощника Маршалка. Канцелярия отделения открывалась в десять часов утра, но здесь всегда кипела жизнь. Каждую ночь в стол приводов доставляли задержанных. Там дежурные агенты делали первый опрос и проверяли показания, а еще фотографировали новичков. Фотографии тут же передавались в антропометрическое бюро. Его сотрудники сверялись с картотекой. И часто ловили мазурика на вранье, если тот назвался чужим именем, но уже попадался раньше.

Стол приводов имел собственную картотеку, так называемые «дуги». В ней содержались сведения обо всех, кто хоть раз попадал в сыскную полицию. Листков накопилось уже более миллиона. Они помещались в алфавитном порядке на специальных металлических дугах, размещенных на столах. Листки были разных цветов: белые – на имевших судимость, желтые – на подлежащих розыску, синие – на сидевших в ДПЗ[17 - ДПЗ – дом предварительного заключения.], и так далее.

С утра поток возобновлялся – это присылали ночную добычу полицейские участки. У каждого прибывшего на руках были препроводительный лист и паспорт. Ими занимался справочный о преступности стол. Здесь тоже сверялись с картотеками – как стола приводов, так и антропометрического бюро. В бюро заводили на неофитов новые карточки. Фотографировать полагалось всех, а обмера по системе Бертильона удостаивали только осужденных преступников. С конца 1907 года к измерениям добавилась дактилоскопия. У задержанных брали оттиск левой ладони, а также мизинца и большого пальца обеих рук. В 81 ящике картотеки антропометрического бюро содержались данные на 100 000 человек.

Другие столы сыскного отделения занимались каждый своим делом. Все дворники и швейцары Петербурга состояли на учете, их благонадежность проверялась. Так же велся реестр всех домовладений, гостиниц, ресторанов, прочих съестных заведений. Если за номерами числились три подозрительных случая, то их могли закрыть. Работал стол находок. Кроме этого, на Офицерской имелись камеры временного содержания. Особняком в двух комнатах располагался Летучий отряд. Он охранял вокзалы, театры, рынки, участвовал во всех облавах, посылал агентов на похороны, молебны и торжества с большим скоплением людей.

Лыков поднялся на второй этаж, то и дело здороваясь с чинами отделения. Особенно крепко он пожал руку заведующему антропометрическим бюро Керберу и начальнику Летучего отряда Петровскому. Это были специалисты, прослужившие в сыскной много лет. Петровский в 1902 году при задержании преступника получил тяжелое ранение и теперь ходил с тростью. К Алексею Николаевичу здесь относились хорошо – не одно дело провели вместе. В конце концов гость из департамента добрался до кабинета Филиппова.

Владимир Гаврилович Филиппов только что получил чин статского советника. В отличие от Лыкова, много лет назад приехавшего в столицу из Нижнего Новгорода, он был питерцем. Окончил университет, долго служил по судебному ведомству, а десять лет назад перевелся в столичное градоначальство. В 1903 году Филиппова назначили начальником СПСП. Новый шеф здорово подтянул ее. Умный, наблюдательный, он был создан для такой службы.

Увидев вошедшего, Филиппов нахмурился:

– У Кошко отобрал самого лучшего и ко мне за тем же явился?

– Что, Аркадий Францевич уже наябедничал?

– Только что трубку положил. Сердитый – спасу нет.

Кошко убыл в Москву с должности помощника Филиппова, и часто телефонировал бывшему шефу.

– Если серьезно, Владимир Гаврилович, то человека мне дайте. Хорошего, не абы кого. Видели, что Столыпин поручил?

– Видел, Алексей Николаевич. Что ж? Кто везет, на того и валят.

Сыщики помолчали, глядя друг на друга.

– Ну? – первым заговорил хозяин кабинета. – На кого глаз положили?

– На Кунцевича.

– Ай да наглость!

Филиппов даже вскочил с кресла.

– А что же вам мой помощник Маршалк не приглянулся? Берите сразу его, чего стесняться! Он служил полицмейстером в Пскове, землю роет – у-у-у…

Кунцевич был самым опытным чиновником для поручений в СПСП.

– Я бы предпочел Мечислава Николаевича.

– Не могу, вот никак не могу. Вы же знаете мои обстоятельства. Кунцевич руководит надзирателями Первого отделения, самого важного. Там Двор, сановники, вся знать. Случись что, по холке накладут! Никому не объяснишь, что дело на контроле у премьера…

Лыков задумался. В СПСП всего пять чиновников для поручений. Один – это Петровский, начальник летучего отряда, которому Алексей Николаевич только что жал руку. А четверо других заведуют отделениями, между которыми поделены все 48 полицейских участков столицы. Чиновникам подчинены надзиратели, по одному на участок, в котором они днюют и ночуют. И Кунцевичу доверили Первое отделение, в которое входят Адмиралтейская и Литейная части, наиболее аристократические. Любая осечка здесь, в барских особняках, может стоить Филиппову должности. Аргумент! Это на Кошко можно надавить, пугнуть Столыпиным. Москва далеко, сам Аркадий Францевич из Риги, еще не оброс задубелой шкурой. А этот здешний, его на мякине не проведешь. Надо

сдавать назад…

– Хорошо, я понял, что погорячился. А кого вы предлагаете взамен?

– Возьмите Лоренцева. Молодой да ранний, только что поймал самого Стаса Иванкова, первого на Васильевском острове громилу.

– Лоренцева? Русого, с длинными усами? Он же москвич, а мне нужен питерец.

Филиппов хлопнул по столу ладонями так, что его двойной подбородок затрясся:

– Три года уже, как Максим Захарович питерский. Берите, не пожалеете. Поймите меня правильно: если вы возьмете его, то отделение Лоренцева я поручу Кунцевичу. Он два потянет. А Лоренцев – нет. Со своим справляется, но второе уже не осилит, опыта маловато.

– Сами признаете, что неопытный, и навязываете, – решил не сдаваться коллежский советник. – Дайте тогда Мищука. А то я Курлову пожалуюсь, он Драчевскому, и дело в шляпе.

Мищук был второй по способностям чиновник для поручений СПСП, а Драчевский – петербургский градоначальник. Однако Филиппов не повел и бровью.

– Вчера только Драчевский мне выговаривал за плохую криминальную обстановку вокруг Нарвской заставы. Аккурат где Евгения Францевича ответственность. Валяйте, жалуйтесь. Объясню и надеюсь быть услышанным.

Лыков сидел и вспоминал, что он знает о Лоренцеве. Кажется, тот раньше занимался политическим сыском… Перевелся в уголовный вместе с Войлошниковым, когда тот возглавил МСП. В декабре пятого года Войлошникова расстреляли боевики-эсеры. Прямо на глазах у жены и детей. Именно в эти дни Алексей Николаевич увидел молодого сыщика в деле. Семеновский полк пошел штурмом на Пресню. Возле Горбатого моста была сложена самая большая баррикада. Гвардейцы сунулись вперед без разведки и попали под шквальный огонь. Сразу погибло несколько человек. Рядом с Лыковым упал сраженный наповал фельдфебель роты Его Императорского Величества Основин. Пять минут назад Азвестопуло угостил его папиросой, и вот теперь фельдфебель

лежит с пулей в голове… Стреляли из дома Кучинской, и разозленные семеновцы ринулись на штурм. В их рядах шли трое сыщиков: Лыков, Азвестопуло и Лоренцев. Кроме него из состава МСП никто не захотел отомстить за казнь начальника. Все сидели по домам, выполняя приказ нового шефа, печально знаменитого впоследствии Мойсеенко. Максим Захарович тогда воевал честно, пулям не кланялся. Это ему в плюс.

– Я правильно помню, что он начинал службу в Московском охранном отделении? – решил проверить себя коллежский советник.

– Точно так. Еще вернее сказать, что начал Лоренцев с подпольных революционных партий. Ну, увлечения молодости. Быстро был арестован и попался на глаза Зубатову. Тот занялся юношей, в два счета его перевербовал, и получился хороший специалист и патриот. А потом ваш любимый Плеве сожрал Зубатова…

Лыков пропустил слова про «любимого» Плеве мимо ушей. Да, ему хорошо служилось под началом Вячеслава Константиновича. Двадцать с лишним лет этот умный и волевой человек отдавал ему приказы. Сейчас таких уже нет. И хотя Плеве не хватало гибкости, Алексей Николаевич жалел погибшего.

Вот про Зубатова было важно. Если Лоренцев его ученик, то это говорило о многом.

Лыков лично знал Сергея Васильевича Зубатова и уважал его. После убитого много лет назад террористами Судейкина это был второй по талантам практик политического сыска. Сам в прошлом нигилист, Зубатов стал секретным сотрудником Московского охранного отделения, а через несколько лет и его начальником. Он воспитал целую школу офицеров-розыскников, поставивших дело на недосягаемую прежде высоту. Сонное болото, которое представляли собой губернские жандармские управления, разбудили умные и деятельные «охранники». Плеве тоже попал под обаяние Сергея Владимировича, назначил его начальником Особого отдела Департамента полиции, но быстро разочаровался. Вскоре Зубатов был отчислен от должности и направлен в ссылку во Владимир. Надворный советник, реформатор политического сыска, стал жертвой этого самого сыска… После убийства Плеве многочисленные ученики Зубатова вызволили его из ссылки и выхлопотали усиленную пенсию. Власти звали отставника вернуться на службу, но тот отказался. Сейчас Сергей Владимирович жил в Москве, скромно и тихо. Зубатовцы выросли в чинах и по-

прежнему не оставляли своего учителя заботами. Он вел обширную переписку, незримо влиял на умы, но оставался в тени.

– Ну если Лоренцев из гнезда Сергея Владимировича, то ломаться не буду, – согласился Лыков. – Беру.

– Вот и славно. Прикажете позвать молодца?

– А давайте.

Через пять минут в кабинет вошел русоволосый среднего роста мужчина лет тридцати пяти, с приятным умным лицом.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич, – сказал он.

– И вам не болеть, Максим Захарович. Вынужден вас огорчить: вы временно поступаете в мое распоряжение.

Лоренцев недоуменно покосился на начальство. Филиппов торопливо пояснил:

– Это не шутка. Генерал Курлов своим приказом создал особую группу дознавателей. Ей поручено пресечь, по возможности, случаи денежных экспроприаций, которые так участились в последнее время.

– Они с пятого года участились и с тех пор никак не прекратятся, – поправил статского советника коллежский.

– Можно сказать и так, – не стал спорить начальник СПСП. – Короче говоря, велено их устранить.

– Это каким же образом? – удивился его подчиненный.

– Алексей Николаич объяснит, – не без издевки ответил Филиппов. – Вы временно поступаете под его начало как представитель Петербургской сыскной полиции. Там будут и другие: от москвичей, от железнодорожной жандармской полиции, от охранных отделений и от судебного ведомства. Вам поручается содействовать дознаниям. Вся информация, что имеется в СПСП, все материалы,

картотека должны быть предоставлены господину Лыкову. Вы обязаны также исполнять его распоряжения, отданные в рамках имеющихся у него полномочий. А премьер-министр в полномочиях не скупится!

– Почту за честь служить под началом Алексея Николаевича, – коротко поклонился Лоренцев.

– Вот и договорились, – бодро резюмировал Лыков. – Скоро мы все соберемся и наметим план действий. Ознакомьтесь пока с секретным приказом по МВД и подготовьте все дела по налетам, начиная с конца декабря. Срок двое суток.

– Слушаюсь.

– Вы в каком чине состоите, Максим Захарович?

– Губернский секретарь, – быстро ответил за подчиненного начальник.

– Хм. У нас дела такие: или грудь в крестах, или голова в кустах. Так что быть вам выше чином. Или впасть в немилость у бонз.

Лоренцев поморщился.

– Да шучу, шучу, – поспешил успокоить его Лыков. – Вся ответственность на мне. Но спрашивать буду всерьез.

– Этого я не боюсь.

– А пока расскажите, как вы из москвича перелицевались в питерца.

– Да очень просто. С Мойсеенко не сошелся.

– В чем?

– Во взглядах на то, как надо нести службу, – с достоинством ответил губернский секретарь.

– Что ж, это говорит в вашу пользу, – кивнул Алексей Николаевич. – Этот гнус не только развалил все, что мог, но и встал на путь прямых преступлений. Но отчего не вернулись назад в охранное?

– Места не было, да и…

Лоренцев замешкался, ему не хотелось отвечать на этот вопрос.

– Тогда им командовал Петерсон, – вспомнил Лыков. – Он хоть и ученик Зубатова, но самый из них бездарный. И в трудные месяцы декабрьского восстания показал себя очень неважно. Вы поэтому не вернулись?

– Да. Петерсон слаб, мелочен, труслив и к тому же интриган. Не хотелось идти под его начало.

Тут в разговор вмешался Филиппов:

– Максима Захаровича мне в начале тысяча девятьсот шестого года рекомендовал Герасимов[18 - В то время – начальник Петербургского охранного отделения.]. А ему, чего тут скрывать – сам Зубатов.

– Вы поддерживаете связь с Сергеем Васильевичем? – оживился коллежский советник.

– Да. Он мой учитель, я многим ему обязан.

Начальники отослали губернского секретаря в приемную и еще немного посовещались. Перед тем как уйти, Лыков спросил:

– Какого вы мнения о способностях Лоренцева? Только прошу ответить честно.

– Честно? – усмехнулся Филиппов. – Он начал, как водится, с надзирателей. Я поставил его на Второй участок Васильевской части, самый трудный. Пристав вялый, околоточные берут взятки… Хулиганы, беглые в розыске, куча притонов… Но Максим Захарович справился. Навел порядок, отучил шпанку от озорства, раскрываемость у него самая высокая. Молодец, ежели честно. Я повысил его до чиновника для поручений – опять тащит. Знаете, как говорится: весь в поту, а

мыла не видно. И вообще…

Начальник СПСП прикрыл на секунду веки, будто хотел соснуть, потом поднял на собеседника умный взгляд:

– У нас еще не было случая, чтобы кто-то из рядовых надзирателей всего за три года вырос в чиновники для поручений. Лоренцев первый. Он имеет выдающиеся способности. Помяните мое слово: через пять лет Максим Захарович станет помощником начальника, а через десять сменит меня на этой должности. А вам Кунцевича с Мищуком подавай. Э-эх… Отсталый вы человек… Нынче дорога молодым!

На этой оптимистичной фразе сыщики расстались. Лыков вернулся в департамент и приказал Азвестопуло:

– Когда соберешь все дела, изучи их под лупой. Сколько будет дел? Не больше двух десятков. Так?

– Не знаю, – ответил Сергей. – Соберу – увижу. На что мне лупу наводить?

– Сам догадайся, бездельник. Ты должен отыскать закономерности. Понять, сколько банд работают. Особенности, уголовный почерк, количественный состав. Кто любит в поездах нападать, кто в городе. Привлеки к этой работе Анисимова. Он артиллерист, с аналитическим складом ума, пусть тоже чешет лысину, думает.

– А вы?

– Я через час уезжаю в Москву. Заберу Телятьева и московские дела о нападениях, что подходят под наши требования. Через два дня собираемся все вместе в первый раз. Запасов уже выехал из Москвы сюда, и я забрал у Филиппова человека в группу. Лоренцев Максим Захарович – помнишь его?

– Помню. Годится. Да и Телятьев ничего, парень справный.

– Вот-вот. Так что остаешься за старшего, а я пошел собирать рать.

– Даже в рифму вышло, – одобрил титулярный советник. – Езжайте, я хоть от вас отдохну. В случае чего телефоньте, приеду вас выручать.

– Нет такого слова телефоньте! – топнул ногой Лыков.

– А у нас в Одессе есть. Ну, ступайте уже…

Глава 4

В Москве

Всю дорогу до Москвы Лыков читал газеты. Мир упрямо и неисправимо сходил с ума. В Вене поручик Гофрихтер после пятимесячного ареста сознался, что разослал пилюли с цианистым калием двенадцати офицерам Генерального штаба. Хотел обеспечить себе продвижение по службе! Вот стервец: ради карьеры чуть не убил дюжину товарищей… В Кишиневе приговорены к исправительным отделениям тридцать два перса, выманивавших у населения деньги на содержание храма Гроба Господня. Как ухитрялись немытые азиатцы выдавать себя за православных священнослужителей? Куда глядел народ? А в Минске задержали по подложному паспорту некоего Бергмана, который оказался на поверку знаменитым доктором Слонимским. Сей эскулап четыре года назад получил в Петербургской конторе Государственного банка на имя управляющего графа Толстого 1 600 000 (!) рублей по фальшивой ассигновке. Самое масштабное воровство в России. Доктор был вскоре арестован, симулировал шизофрению, и его поместили на испытание в лечебницу для умалишенных. Из которой Слонимский благополучно сбежал. И вот наконец мошенник опять под арестом; молодцы минские лекоки. А в Бухаресте румынская королева заболела аппендицитом в легкой форме. Это как понять?

Лыков приехал ночью и заселился в «Метрополь». Его узнали и предложили лучший номер со скидкой. Семь лет назад Алексей Николаевич арестовал здесь анархиста Гринюка, вооруженного пулеметом «максим». Негодяй, умирающий от чахотки, задумал массовую бойню и едва не расстрелял из окна своего номера гуляющих москвичей…[19 - См. книгу «Лучи смерти».]

Утром за завтраком к питерцу подошел метрдотель, положил на стол свежий номер «Правительственного вестника» и сказал:

– Поздравляю, ваше высокородие!

Неужели? Алексей Николаевич торопливо зашелестел газетой. Так и есть, на первой же странице! Высочайший приказ по гражданскому ведомству за № 19. Ему, Лыкову – следующий чин статского советника, а Сергея произвели в коллежские асессоры. Наконец-то… Надо будет отметить вечером в хорошем ресторане. Кошко непременно позвать. Кого еще? Лыков с уважением относился к фон Коттену, но тот недавно перешел из Московского охранного отделения в Петербургское. А сменившего его на посту подполковника Заварзина сыщик не знал. Зубатов? Они не в тех отношениях. Алексей Николаевич предполагал встретиться с отставником, но звать в заведение обмывать чин – это уже лишнее.

Новоиспеченный статский советник первым делом отправился в магазин форменного платья. Там ему пришили на лацканы мундирного сюртука новые петлицы без просветов и воткнули в них одну звезду. Старые, с двумя просветами и без звезд, отдали на память. Лыков полюбовался собой в большое зеркало – хорош! И через час вошел в хорошо знакомый ему подъезд дома № 3/5 в Малом Гнездниковском переулке. Здесь помещалась МСП, а соседняя дверь вела в охранное отделение. Он не был в сыскной около года и очень хотел узнать, как она изменилась при новом начальнике.

Кошко принял его без промедления. В свое время именно Лыков разглядел в молодом помощнике пристава, перешедшем с железной дороги в полицию, способности к сыску. Это случилось в Риге в 1898 году[20 - См. книгу «Дознание в Риге».]. С тех пор Аркадий Францевич заматерел, набрался опыта и вырос в чинах. Сначала он возглавил рижское сыскное отделение, потом немного послужил в самой закрытой службе – Дворцовой полиции. И после короткого пребывания в СПСП возглавил московский сыск.

Хозяин принял гостя стоя посреди кабинета, и крепко пожал ему руку:

– Поздравляю! Теперь вам до генерала один шаг. Пусть же он поскорее будет сделан.

– Спасибо, Аркадий Францевич. Вы тоже отличились, у всей России на слуху! Причем два раза подряд…

Кошко только что с блеском закончил сложные дознания. Сначала в здании анилинового общества Боде и Стразбургера, что в Ипатьевском переулке, произошло зверское убийство сразу девяти человек. Неизвестный размозжил головы четырем приказчикам Зазеркальнорядской артели и пятерым детям. Сыскная полиция сбилась с ног, но сумела разоблачить изувера. А вскоре после этого, в ночь на 8 апреля злоумышленником был обокраден Успенский собор в Кремле. Тот самый, в котором коронуются все русские государи. Вор тайно проник в храм и содрал драгоценные оклады с четырех образов. В том числе с высокочтимой иконы Владимирской Божией Матери, лик которой писал сам Святой Евангелист Лука. Общая стоимость похищенного составила миллион рублей. Кошко по ряду признаков предположил, что негодяй не успел покинуть храм и укрылся внутри. Полиция оцепила строение и двое суток терпеливо выжидала. И в конце концов прятавшийся в иконостасе клюквенник[21 - Клюквенник – церковный вор (жарг.).] вылез и сдался, обессилев от жажды и голода. Но ценностей при нем не нашли. Пойманный назвался крестьянином Никитой Семиным. Ему было всего 18 лет! Мазурик отказался сообщить, куда он спрятал камни с риз. Аркадий Францевич не рассердился, а велел первым делом накормить парня. Вежливым и гуманным обращением он убедил Семина выдать похищенное. По завершении дознания вор попросил о встрече со своим поимщиком. И сказал: только ваше увещевание сломало меня. Но я еще молод, много мне не дадут. Скоро выйду или сбегу из-под стражи. И тогда уже совершу новое преступление, от которого содрогнется мир и которое вполне меня вознаградит…

– Здорово вы этого недомерка распропагандировали, – восхищенно сказал питерец москвичу. – В восемнадцать лет уже законченный негодяй. Пропадает Россия…

– Да, случай беспрецедентный, – Кошко зашелестел бумагами на столе. – С виду щенок, а стибрил на миллион! Мы чуть не сутки опись составляли. Вот, смотрите. – Он стал читать вслух. – Золотой венец в пять фунтов с пятью коронами из крупного жемчуга. Золотой же запон с тридцатью пятью крупными алмазами. Пятьдесят два крупных алмаза, четыре рубина, четырнадцать бурмицких зерен, убрус из крупного жемчуга в двести восемьдесят одно зерно… Лазоревый яхонт. Золотой венец с головы Спасителя со ста восемнадцатью алмазами… Золотая цаца… Вы не знаете, что такое цаца?

– Увы, я не протоиерей, понятия не имею.

Начальники посмеялись, выпили чаю. Хозяин рассказал, что дело потихоньку налаживается. Люди Мойсеенко выброшены со службы. Новые кадры стараются, как могут. А Москва скучать не дает.

– Представляете, Алексей Николаевич, – воздел руки Кошко, – в прошлом году было двадцать четыре убийства. И семь покушений. Каково?

– Много, – согласился гость. – А в Иркутске сорок.

– Сорок убийств? – поперхнулся начальник МСП. – А население какое?

– Сто тринадцать тысяч. В десять с лишним раз меньше вашего.

– М-да… Столица беглых!

Аркадий Францевич был ошарашен. Не мудрено: Лыков, когда приехал туда в прошлом году, сам не мог поверить в жуткие цифры.

Хозяин перевел разговор на поручение Столыпина:

– Как вы будете его выполнять? И что относится к вашей компетенции, а что нет? У нас вчера ограбили на Сретенке табачный магазин «Братья Шемшурины». Взяли семьсот рублей, тяжело ранили приказчика. Ваше дело?

– Увольте, – открестился Лыков. – Только табачных магазинов мне не хватало. Нет, мои подопечные не мелочатся. Вы поручили Телятьеву подобрать дознания по крупным грабежам?

– Второй день сидит в канцелярии, только макушка из-за папок высовывается.

– Как Осип Германович, не испортился? Последний раз мы с ним брали банду мокрушников в Тишинке. Он тогда выступил молодцом.

– Талантливый молодой человек, – подтвердил начальник. – Вот только…

– Что такое? – насторожился Алексей Николаевич. – Он в чем-то провинился?

– Нет, что вы. Кто провинился, тех я сразу выгоняю. Люди держатся за должность, престиж нашей службы вырос. Однако такой огромный город, так много здесь скверны, что порой руки опускаются. А штаты? А содержание? Даже служебные проездные на трамвай и те не дают. Градоначальник Адрианов сухой и бесчувственный, полицейской специфики не знает, требует лишь внешнего лоска. Военный юрист с узким кругозором. Кто его поставил на Москву?

Кошко принялся жаловаться. В штатах МСП всего четыре чиновника для поручений. Им подчиняются 60 надзирателей и 12 вольнонаемных агентов. Дополнительно один агент постоянно дежурит в Государственном банке и три – на Московско-Казанской железной дороге. Еще в штате состоят делопроизводитель с двумя помощниками, журналист, четыре служителя и околоточный для наблюдения за порядком в столе приводов. Кроме них также имеется 23 городовых для конвоирования арестантов, производства обходов, обысков и обслуживания постов при сыскной полиции. Еще три околоточных и 19 городовых прикомандированы к МСП от общей полиции помогать в дознаниях, поскольку сыщики зашиваются. Старые порядки, когда надзиратели брали на лапу и покрывали воров, искоренять трудно. Аркадию Францевичу пришлось чуть ли не целиком заменить внутреннюю агентуру. Теперь у него все осведомители – штучники, постоянных нет ни одного. Явочных квартир для свиданий с осведами тоже нет, они упразднены. Штучник получает разовое вознаграждение за информацию и ничего сверх этого. Если он сам попался на преступлении, его судят в общем порядке, без прежних поблажек.

– Да хорошие у вас штаты, в других городах похуже, – пытался утешить статский советник коллежского.

– Там не Москва! – ответил Кошко. – Рейнбот с Мойсеенко развратили Первопрестольную. Авгиевы конюшни придется не один год расчищать. Так и передайте высокому начальству, когда увидите: нам трудно здесь. Пусть помогают. А вы Телятьева забираете.

– Ну вот, – рассмеялся питерец, – начали за здравие, а кончили упреком. Верну я вам Осипа Германовича. К зиме. Шучу, постараюсь пораньше. Только кто знает, как пойдет?

По просьбе Лыкова начальник МСП вызвал коллежского секретаря. Тот тоже уже знал о производстве Алексея Николаевича и начал с поздравлений. Потом сыщики немного поговорили о делах. Телятьев закончил выборку и хотел доложить, какие налеты и почему он отнес к компетенции группы дознавателей. Но старший группы слушать отказался. Заявил: доложите сразу всем завтра в моем кабинете. Пока идите готовить доклад. В Петербурге поздно будет, источники здесь; если понадобится какая справка, за ней курьера не пошлешь. Он нарочно сгустил краски, желая настроить временного подчиненного на серьезный лад. Понадобится, и гонца направим, а пока пусть землю роет. Особое внимание начальник велел обратить на агентурную информацию. Самые интересные «шкурки»[22 - «Шкурка» – агентурная записка (профессиональный жаргон).] переписать, на их авторов подготовить карточки. Сделать выписки из актов дознания. На все про все у Телятьева оставалось полдня, но тот был уверен, что успеет.

Обедать Лыков поехал в ресторан Крынкина. Это удивительное заведение расположилось на Воробьевых горах, на огромном балконе, с которого открывались потрясающие виды Москвы. Питерец старался заскочить сюда в каждый свой приезд. И не в кухне было дело, хотя она славилась тоже, а именно в панорамах реки, Новодевичьего монастыря, Хамовников. Даже отдаленные Сокольники можно было рассмотреть с балкона. Стояла майская теплынь, рамы сняли, и статский советник насладился пейзажами вдоволь. Насытившись и приняв на радостях пол-графичика «английской горькой», их высокородие отправился в Замоскворечье. Он хотел встретиться с Зубатовым.

Сергей Васильевич обрадовался гостю и, похоже, искренне. В бытность совместной службы оба чиновника уважали друг друга. Лыков признавал масштаб личности скромного надворного советника. Идеолог и практик политического сыска, Зубатов много сделал для охраны трона. А кончил унизительным допросом со стороны Плеве и ссылкой. Власть бросалась верными слугами, как несмышленый ребенок погремушками…

– Проходите, Алексей Николаевич! Очень вам рад. Я теперь частное лицо, гости меня не балуют. А вы в столице, в самом центре, так сказать, административных землетрясений. Что там нового, на гранитных-то берегах?

Лыков пересказал свежие новости. Курлов вошел в полную силу, получил генерал-лейтенанта и забронзовел. Особый отдел захватили казаки. Полковник Еремин, уралец[23 - То есть выходец из Уральского казачьего войска.], только

что возглавил самую важную структуру департамента. И тут же ввел новое отделение – агентурное, которое объединило всю работу Департамента полиции с осведами. Энергичный, лично очень храбрый, вот только любит двигать станичников где надо и где не надо…

Отставник слушал внимательно, задавал точные вопросы. Лыкову показалось, что он мало нового сообщил собеседнику. Еще сыщик заметил, как изменился бывший гений охранки. На лбу появилась складка, придававшая всему лицу недовольное, почти скорбное выражение. Взгляд сделался угрюмым, безрадостным. Плохо ему не у дел. Эх, Россия… Придет чернь, и кто будет тебя защищать? А ведь она когда-нибудь придет…

В конце беседы Алексей Николаевич рассказал Зубатову о своем поручении. Прекратить в столицах денежные экспроприации: такое еще никому не удавалось. Лыков подозревал, что и ему это не под силу. Но приказ получен, глаза боятся, а руки делают. Кроме того, у него не шел из головы рассказ Томилина про умирающего драгуна. Человек тянул из последних сил, чтобы выполнить последний долг и помочь наказать убийц. Теперь, что, предать этого человека? А Сашка Поп и ему подобные пускай и дальше убивают?

– Да, трудно вам будет, – покачал седой головой Зубатов. – Сейчас не поймешь, уголовные они или политические, эти экспроприаторы. А безжалостные какие! Читаешь газеты и дрожь по телу идет. Взрывают, стреляют без разбора.

– С чего бы вы начали, Сергей Васильевич? – задал гость главный вопрос, ради которого он сюда и приехал.

– С поиска системы. Да вы, чай, так же думаете? Ученого учить – только портить.

– Нет, наоборот: ваши советы очень мне интересны. Продолжайте, пожалуйста.

– Ну, как угодно, – согласился Зубатов и стал развивать свою мысль: – У каждой банды есть свои излюбленные приемы. Они приносят успех, и налетчики стараются их повторять. Еще вспомните мою фразу, что уголовные в эксах смешались с политическими. Значит, вам понадобится агентура не только сыскных отделений, но и охранных. Возможно, люди, которых вы должны поймать, орудуют на границе двух сысков. Кроме того, обратите внимание на информированность налетчиков. Откуда они узнают про доставку крупных

сумм? У них есть наводчики, это как пить дать. А где у нас сходятся сведения о таких экспедициях?

– В банках и казначействах, – ответил Лыков.

– Да. А в тех случаях, когда грабят в поезде, еще и у железнодорожных жандармов.

– Я уже думал об этом, – признался питерец. – Чуть не две трети налетов совершаются в поездах. Артельщика, перевозящего деньги, должен по инструкции охранять жандарм. Значит, в железнодорожный пункт поступает заявка на выделение сопровождения. И тот, кто ее видит, знает: когда и с какой суммой поедет человек. Дальше все просто.

– Ну я же говорил: ученого только портить, – улыбнулся Зубатов. – Вы и сами все знаете, тридцать лет жуликов ловите.

Два умных человека еще долго рассуждали на заданную Лыковым тему. И отставник не подкачал, дал полезные советы. За окном стемнело, гостю пора было уходить. В конце беседы он спросил:

– Лоренцев ведь ваш ученик?

– Максим? Да, мой. Один из последних.

– В каком смысле?

Зубатов пояснил:

– Я перешел из Московского охранного к вам в департамент в девятьсот втором году. Накануне и попался мне этот юноша. Он держал подпольную библиотеку запрещенных книг, его дом использовался эсерами как почтовый ящик. Ничего более, но на пять лет ссылки в отдаленные местности Сибири тянуло вполне. Когда Максима взяли, он сначала молчал. Берег свою честь, так сказать… Ну, я много таких видал и знал, как с ними разговаривать. Распропагандировал и его. А потом уехал в Петербург. И парень остался без наставника. А в таком деле нужен старший, учитель, который поддержит в тебе убеждение, что ты не

предатель. Понимаете меня?

– Конечно, – кивнул Лыков.

– А меня нет под рукой! И Лоренцев зашатался. Назад уже страшно, вперед боязно. Полгода он был ни за тех, ни за этих. Приехал ко мне поговорить. Я убедил, как мог, и поручил способного человека Войлошникову. Он тоже мой ученик был… Дальше вы знаете. Они вместе ушли из охранного отделения в сыскное, потом Александра Ивановича расстреляли, и Максим оказался в подчинении у Мойсеенко… Не сработался он с жуликами и подался в столицу. Тут было не до него, дым стоял коромыслом. Кое-как я пристроил толкового человека к Филиппову. По моим сведениям, он на хорошем счету. А почему вы спрашиваете?

– Владимир Гаврилович именно его включил в мою группу как своего представителя.

– Увидите – передайте от меня привет. Максим умный и талантливый, только… – Зубатов задумался над формулировкой и продолжил: – Немножко сильно любит деньги, а так человек неплохой.

– Деньги любит? – развеселился статский советник. – У меня лучший ученик, Азвестопуло, такой же. Хлебом не корми, дай копейку зашибить. Чаще всего в рамках законности, но иногда и за рамками. Не дай бог эти двое сговорятся – всю казну растащат!

На этой веселой ноте они и расстались. Ночью Лыков выехал в Петербург. Ему плохо спалось и половину дороги сыщик потратил на мысли о предстоящем дознании. Зубатов подсказал несколько идей, но ничего радикально нового не добавил. Завтра надо начинать. Чем дольше тянуть, тем больше будет крови. Экспроприаторы сами не остановятся, надо их стреножить. Ишь, революцию задавили, затоптали, как лесной пожар. Тихо теперь в империи; непонятно лишь, надолго ли эта тишина. А бомбы по-прежнему рвутся и револьверы стреляют. И люди гибнут, как тот драгун…

Глава 5

Аналитик и сыщики

Завтра совещаться не получилось. Азвестопуло с Анисимовым попросили дать им еще сутки. Они сидели над актами дознания без отдыха, рисуя какие-то загадочные таблицы. Наконец к полудню следующего дня заявили, что готовы докладывать.

В кабинете Лыкова собрались, помимо хозяина, пять человек. В углу примостился любимый жандарм Алексея Николаевича полковник Запасов. У небольшой доски заняли позицию Сергей и его помощник. По бокам стола уселись «представители с мест», как их иронично назвал статский советник – Телятьев и Лоренцев. Эти двое сразу начали потихоньку состязаться, кто из них умнее… Москвич был старше и в чине, и по возрасту, но питерец не собирался с этим считаться.

Не в каждом ведомстве служит писцом по вольному найму целый артиллерийский подполковник. Анисимов вышел в отставку без мундира. И, видимо, не от хорошей жизни нанялся в Департамент полиции на шесть червонцев. Алексей Николаевич, управляя делопроизводством, не успел составить о нем полного мнения. Однако склонность подчиненного к аналитике он решил использовать. Анисимову впервые предстояло показать себя перед шефом. Ну, поглядим, на что способна армейская артиллерия…

– Иван Федорович, начинайте, – ободрил подполковника Лыков.

Тот встал, подошел к доске и начал мелом чертить на ней квадраты и стрелки. Он сверялся с таблицей, которую держал в левой руке. Азвестопуло шепотом что-то ему подсказывал.

– Итак, мы с Сергеем Маноловичем изучили дознания по девятнадцати вооруженным нападениям, которые произошли в двух столицах и близко от них, начиная с декабря прошлого года. Материалы предоставили господа чиновники для поручений, – Анисимов коротко кивнул на «представителей с мест». – Если отбросить мелочи, нами выявлены три серьезные банды. Самые крупные преступления определенно совершены ими…

– Три банды учинили все девятнадцать налетов? – перебил подполковника Запасов.

– Нет, конечно. Некоторые из нападений – дело рук мелкой шушеры, мы их отбросили.

– Это почему?

Анисимов вынул из пачки бумаг лист и помахал им:

– Вот пример. Одиннадцатого января на выходе из конторы Коломяжского ипподрома ограблен кассир. Он нес выручку в банк, всего три тысячи двести восемь рублей. Налетели двое, дали по голове, вырвали портфель и скрылись. Налет? Да. Успешный? Вполне. И сумма не маленькая. Но агентура сыскной полиции донесла, что организовал его главарь шайки скоков[24 - Скоки – налетчики (жарг.).] с Голодая. Он требует называть себя Капитан ада.

Все присутствующие скривились.

– Реалист? – предположил Лыков. – Начитался бульварных книжонок?

– Видимо, так, – согласился докладчик. – Серьезный фартовик такую кличку себе не возьмет: блатные поднимут на смех. Кто-то новенький лезет на олимп, обозначает свое присутствие. Ну, один раз ему повезло… Может быть, и второй получится. Но люди Филиппова быстро повяжут этого капитанишку. Надо запросить агентуру по хулиганам. Обойти трактиры средней руки – нет ли там кутящих молокососов. Вопрос времени. Поэтому этот экс мы отбросили как несерьезный.

– А почему же питерцы до сих пор не поймали Капитана ада? – обратился к Лоренцеву неугомонный Запасов. – Со слов докладчика, это просто.

– Есть два дурака, которые так себя именуют, – пояснил тот. – Проверяем алиби каждого. Скоро поймаем, господин Анисимов прав.

Подполковник опять взялся за таблицу.

– Итак, три банды. Мы классифицировали их по почерку. Первую, самую опасную, назвали «Альфой». Вот смотрите, что она натворила. Мы подозреваем ее в четырех налетах.

И он стал перечислять:

– Нападение на артельщика Верхне-Исецких горных и механических заводов в поезде Москва – Екатеринбург двадцать второго декабря прошлого года. Артельщик и сопровождающий его жандармский унтер-офицер убиты. Преступники завладели двадцатью семью тысячами рублей, денежными документами и процентными бумагами.

Далее. Ограбление Литейного отделения Городского ломбарда одиннадцатого января. Убиты кассир и сторож, похищены деньги в сумме тридцать тысяч сто рублей.

Третье дело случилось в начале марта. Вооруженные люди напали на контору табачной фабрики «Оттоман» на Колокольной улице. Снова убит кассир, на обратном пути бандиты застрелили прибежавшего на шум городового. Похищены семьдесят тысяч рублей и векселя.

Наконец, четвертое нападение произошло опять в поезде. Оно самое свежее, всего неделю, как случилось. Тяжело ранен жандарм, смертельно – артельщик банкирского дома Беринга. Похищено чуть более восемнадцати тысяч.

Итого банда взяла сто пятьдесят тысяч рублей, убила семь человек и одного ранила.

– Вы сказали, что приписали эти случаи одной банде по общему почерку, – остановил докладчика Лыков. – Расскажите подробно, что их объединяет?

– Слушаюсь, Алексей Николаевич. Во-первых, каждое из нападений осуществили четверо. Ни больше, ни меньше. Это, видимо, основной состав. Далее, они безжалостные, убивают легко, не жалеют ни обслугу, ни охрану. В-третьих, что самое важное, бандиты берут лишь наличные деньги. В ломбарде имелось в виде закладов большое количество ценностей – не тронули. Векселя, что взяли на фабрике, выкинули в канал. Ассигновки Верхне-Исецких заводов тоже не предъявили, а разорвали. Так же поступили и с процентными бумагами! А их

было на десять тысяч. Налетчики очень умные и осторожные, отбрасывают все, что может навести на их след.

Иван Федорович отложил свои записи и повысил голос:

– Скажу больше: они и деньги не всякие берут. Только золотую монету и мелкие купюры. У артельщика Беринга были при себе десять пятисотенных билетов – не присвоили ни одного.

– Побоялись, что серии могут быть записаны? – предположил Телятьев.

– Разумеется.

Уточнение докладчика заставило всех помрачнеть. Лыков заговорил первый:

– Черт бы их драл! Откуда только взялись такие сообразительные? Как их теперь ловить? На империалах серий не пишут.

Запасов спросил о другом:

– Сверяли оружие, из которого они убивали людей?

– В самом общем виде, – ответил Азвестопуло. – В банде два нагана и два маузера. Поля нарезов пуль универсальные, никаких характерных особенностей не имеют. У одного из маузеров боек сбит немного влево-вниз.

– Что еще известно о банде «Альфа»? – заговорил Лоренцев. – Приметы удалось записать?

– Нет, – вздохнул Сергей. – Люди напуганы. Или не помнят, или не хотят говорить. Есть другая деталь, на мой взгляд важная.

– Излагай, – приказал статский советник.

– После ограбления в казанском поезде налетчики спрыгнули на повороте, где состав сбавляет ход. И направились в лес. За ними в погоню кинулись три

солдата с офицером, что ехали тем же поездом. Но далеко не побежали. Бандиты кинули в них бомбу. Никого, по счастью, не убили, однако офицера контузило. И погоню сразу прекратили.

Азвестопуло сделал паузу и многозначительно добавил:

– Бомба самодельная, начинена мелинитом.

– Вот как? – вскинулся Лыков. – Это ты на Сашку Попа намекаешь?

– На него.

Коллежский асессор сообщил тем, кто был не в курсе:

– В начале апреля в Плоцкой губернии напали на денежную почту. Бросили подрывной снаряд и убили пятерых солдат конвоя и ямщика, сволочи. Умиравший в госпитале солдат успел опознать нападавшего, им оказался беглый каторжник Южиков по кличке Сашка Поп. Удалось выследить его притон, но мы опоздали на несколько часов. Взяли лишь парня, что был у банды на побегушках, и нашли в сарае бомбу. Из мелинита!

– Мастер был один и тот же? – высказал догадку полковник Запасов.

– Допускаем такое, – уточнил Азвестопуло. – Мало кто умеет обращаться с этой дрянью.

– С Южиковым ведь ушел еще один соучастник? – припомнил Алексей Николаевич.

– Да. Молодой человек, который и делал бомбы. Зовут Петькой, это все, что о нем известно.

Тут вдруг оживился Телятьев:

– Петька? А он случайно не высокого росту?

– Высокого, – подтвердил Азвестопуло. – Что, кого-то напоминает?

– Есть такой Петька Длинный. Ходит во всем черном, рост много выше среднего.

– И что с того?

– Московское охранное отделение разрабатывает группу анархистов-коммунистов, – сообщил Осип Германович. – В ней двенадцать человек. Засветились в Костроме, где ограбили почтовое отделение. Главари живут в доме Общества дешевых квартир имени Солодовникова. За ними следят, скоро схватят. Один из анархистов как раз Петька Длинный. Он в банде отвечает за бомбы.

– Вот москвичи и отличились, – обрадовался Лыков. – Это след! Говорил мне давеча Зубатов, что агентура охранных отделений тоже понадобится. В точку попал!

Все загалдели, но быстро успокоились. Чему радоваться?

– Хорошо, конечно, что есть зацепка, – скептически заявил Лоренцев, – но ведь это лишь догадка. Когда Поп сбежал из тюрьмы? В начале года, правильно я помню?

– В первых числах января, – подтвердил хозяин кабинета.

– А нападения «Альфа» начала в декабре и вполне успешно справлялась без беглого каторжника. И Плоцк далеко от Петербурга. Их объединяет только мелинит. Больше смахивает на совпадение.

Но Лыков с ним не согласился:

– Не только. Вспомним, как умыкнули Сашку Попа. Серьезный человек работал. Десять арестантов побежали в одну сторону, и почти все погибли. А одиннадцатый, воспользовавшись суматохой, двинул в другую. И оказался на свободе. Сильный ход и необычная жестокость. Подставить под пули десять человек! Для отвода глаз…

Остальные слушали внимательно, и Алексей Николаевич продолжил:

– В нападениях «Альфы» тот же стиль: ум и жестокость. Людские жизни там не жалеют. Возможно, что за эксами и за побегом Южикова стоит одно лицо.

Отставной подполковник поднял руку:

– Я могу продолжать? Так вот, почерк характерный. Вопрос: как искать банду? Напрашивается мысль, что террор у них не от жестокости, а от необходимости. Высказываю догадку, что и в ломбарде, и на табачной фабрике кассиров пристрелили не просто так. Они были наводчиками.

Мысль была необычная, спорная, но интересная. Все опять загалдели.

– Кассиры, по-вашему, совсем дураки? – хмыкнул Телятьев. – Дать наводку и не подумать, что их же самих при налете шлепнут?

– Запросто, – возразил Лоренцев. – Умный человек глупого всегда уболтает. А наш атаман, если верить Алексею Николаевичу, умный. Наплел с три короба, выведал все подробности. А при эксе на всякий случай прикончил. Известно, кого сыщики в первую очередь подозревают, если налет удался: самих жертв. Был бы я атаманом, так же поступил бы.

– Двух случаев мало, чтобы делать выводы, – заговорил жандарм. – Может, вы правы, а может, и нет. Тогда имеет место оговор людей, павших при исполнении своих обязанностей.

Анисимов покраснел, но не сдался:

– Коли уж вести дознание, надо проработать все версии.

– Вы сами сколько дознаний провели?

Лыков пришел на помощь подчиненному:

– Дмитрий Иннокентьевич, ты на личности не переходи. Иван Федорович служит в Департаменте полиции второй год. И дознания не по его части, он аналитик.

– Кабинетный работник, значит? Ну-ну…

Назревал конфликт между членами группы, и статский советник не стал жалеть приятеля.

– Тут опытных дознавателей полна комната. Можем друг перед дружкой до утра меряться. А без свежего ума что мы стоим? Опыт нам мешает видеть неочевидное. Я считаю догадку Ивана Федоровича вполне правдоподобной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. книгу «Узел».

2

А. Ф. Кошко – с 1908 года начальник Московской сыскной полиции.

3

Маз – главарь шайки.

4

Товарищи министра – заместители.

5

См. книгу «Столица беглых».

6

Аббревиатура слова «делопроизводство» в официальной переписке.

7

Устав о службе по определению от правительства.

8

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

9

См. книгу «“Одесский листок” сообщает».

10

ГЖУ – губернское жандармское управление.

11

В феврале 1912 года Белостоцкое сыскное отделение арестовало бродягу, назвавшегося австрийским подданным Михаилом Колодиным. Заведующий регистрационным бюро Департамента полиции Стрелков по сделанным фотографиям опознал в нем находящегося в циркулярном розыске бежавшего из-под следствия бывшего начальника Черниговского сыскного отделения М. И. Павловского.

12

Врид – временно исправляющий должность.

13

То есть высшего сорта.

14

Москва тогда считалась столицей наравне с Петербургом и Варшавой.

15

См. книгу «Узел».

16

Курлов состоял в придворном звании шталмейстера.

17

ДПЗ – дом предварительного заключения.

18

В то время – начальник Петербургского охранного отделения.

19

См. книгу «Лучи смерти».

20

См. книгу «Дознание в Риге».

21

Клюквенник – церковный вор (жарг.).

22

«Шкурка» – агентурная записка (профессиональный жаргон).

23

То есть выходец из Уральского казачьего войска.

24

Скоки – налетчики (жарг.).

Купить: https://tellnovel.com/nikolay-svechin/vos-moe-deloproizvodstvo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити